

Шницлер Артур

Часы жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артур Ш.**
Часы жизни / Шницлер Артур – М.: Книга по Требованию, 2023. – 139 с.

ISBN 978-5-521-31432-4

ISBN 978-5-521-31432-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Часы
жизни.

I.

Часы жизни.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Хаусдорферъ — чиновникъ въ отставкѣ.

Гейнрихъ.

Борромеусъ — садовникъ.

Хорошенькій садикъ въ предмѣстѣи Вѣны. Въ глубинѣ небольшой домикъ съ верандой, тремя ступеньками спускающейся въ садъ. На первомъ планѣ два стула и удобное кресло. Ранняя осень. День склонится къ вечеру. Тишина. Борромеусъ, садовникъ, оканпываетъ деревья. Онъ — старикъ съ довольно длинными сѣдыми волосами. Антонъ Хаусдорферъ медленно спускается съ веранды; ему подъ шестьдесятъ; сѣдые, прамые волосы коротко подстрижены; бороды не носить; глаза молодые; одѣтъ въ черное удобное, но не норпливое платье; темная соломенная шляпа съ большими полями.

Хаусдорферъ.

Здравствуйто, Борромеусъ.

Борромеусъ.

Добрый вечеръ, баринъ. Вы, должно-быть, сегодня послѣ обѣда изволили быть въ городѣ?..

Хаусдорферъ.

Нѣтъ.

Борромеусъ.

А я думалъ, васъ нѣтъ дома; вы опять не изволили пить свой черный кофе въ босѣдкѣ.

Хаусдорферъ. .

Нѣтъ, я не ѣздилъ въ городъ. Все время пролежалъ на диванѣ: что-то голова разболѣлась... А вы, что дѣлаете? Мы скоро весь садъ перекопаемъ.

Борромеусъ.

Правда, сударь. Да вѣдь такъ и надо. Ночью можетъ вдругъ подморозить... Не довѣряю я этимъ теплымъ днямъ въ октябрѣ... Помните вы, сударь, осень 93-го года? Вечеромъ сидѣли въ саду — да, это 28-го октября-то — а въ 3 часа ночи ударилъ морозъ. И въ 87-мъ, и въ 88-мъ была та же исторія. Мсяя теплые дни не обмануть.

Хаусдорферъ.

Ваша правда, Борромеусъ. *(Смотритъ на него.)* Что это вы собрались сажать? *(Погружается въ мысли и почти не слушаетъ ответа.)*

Борромеусъ.

Да, вотъ какъ разъ объ этомъ я и хотѣлъ переговорить съ вами... Изволите видѣть: сегодня послѣ обѣда я зашелъ къ Францу...

Хаусдорферъ *(разстѣянно.)*

Къ кому?

Борромеусъ *(съ некоторымъ удивленіемъ).*

Къ садовнику барона Вейсенэка. Онъ гордецъ, ну а все же кое-что понимаетъ. Есть вещи, — я долженъ признаться, — гдѣ онъ знаетъ толкъ даже лучше моего. Онъ вѣдь ученый. У него на ящикѣ штукъ двадцать книжскъ стоятъ рядкомъ. Вотъ поэтому я и не стѣсняясь хожу къ нему за совѣтомъ.

Хаусдорферъ *(не слушающій).*

Да, да, такъ и дѣлайте...

Борromeусъ.

Это вы насчетъ чего изволите говорить?

Хаусдорферъ.

Дѣлайте, какъ онъ посовѣтовалъ вамъ. Я вполнѣ одобряю...

Борromeусъ (*съ возрастающимъ удивленіемъ*).

Да я, сударь, вѣдь еще ничего...

Хаусдорферъ (*продолжая*).

Должно-быть, такъ и слѣдуетъ.

Борromeусъ (*почти съ испугомъ*).

Позвольте, сударь...

Хаусдорферъ (*будто просыпаясь*).

Что такое?

Борromeусъ.

Я могу себѣ представить! Извините, сударь, если я осмѣлюсь спросить — должно-быть, барынѣ хуже? (*Не дождавшись отвѣта отъ Хаусдорфера, съ возрастающимъ смущеніемъ.*) Я это такъ думаю потому, что вотъ ужъ три недѣли, что онѣ не были здѣсь.

Хаусдорферъ.

Не напоминайте. Она умерла. Спасибо за участіе. Г-жа надворная совѣтница умерла. (*Садится.*)

Борromeусъ (*въ испугъ снимая картузъ*).

Да неужто! (*Пауза*).

Хаусдорферъ.

Да! ужъ никогда надворная совѣтница не пріѣдетъ къ намъ сюда.

Борromeусъ.

Да неужто это правда! Господи! А я и не зналъ даже, что барыня была такъ больна. (*Покачивается*

головой.) А вѣдь, такъ сказать, были еще не старая женщина.

Хаусдорферъ.

Ну, не молодая... но во всякомъ случаѣ на семь лѣтъ моложе меня... а вѣдь мнѣ скоро шестьдесятъ.

Борромеусъ.

Да, правда!

Хаусдорферъ.

Могла бы еще пожить на свѣтѣ госпожа надворная совѣтница.

Борромеусъ.

Видите ли, сударь; это, должно-быть, оттого, что я въ эти пятнадцать-двадцать лѣтъ изо дня въ день видалъ барыню... ну, и понятно...

Хаусдорферъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ мы все были моложе.

Борромеусъ.

Да и въ послѣднее время наша барыня не казалась старушкой! И особенно нынѣшнимъ лѣтомъ, когда онѣ такъ исхудали и поблѣднѣли, можно было поспорить... Да, вотъ какъ-то вечеромъ я вышелъ изъ той аллеи, а барыня сидѣла тамъ—я, убей меня Богъ, подумалъ, — прошу вашего извиненія, — что это меньшая сестрица г-жи надворной совѣтницы.

Хаусдорферъ (*помолчалъ немного*).

Такъ что же посовѣтовалъ вамъ этотъ гордецъ Францъ?

Борромеусъ.

Ахъ, нѣтъ, баринъ, я не стану теперь говорить о такихъ пустякахъ. (*Цѣлуетъ ему руку.*) Я знаю, что это значитъ... я былъ тоже женатъ и... похоронилъ

жену. (*Умолкаетъ, какъ бы испугавшись собственнаго замѣчанія.*) Я только хотѣлъ сказать...

Хаусдорферъ.

Ну, хорошо, Борромеусъ... (*Небольшая пауза.*)

Борромеусъ.

А молодой баринъ?...

Хаусдорферъ.

Что?

Борромеусъ.

Я только хотѣлъ сказать, что это ужасно для нашего господина Гейнриха! Ахъ, Боже мой, Боже мой!... Когда я только вспомню, какъ онъ въ послѣднее время все провожалъ сюда барыню и пріѣзжалъ за ней каждый вечеръ...

Хаусдорферъ.

Да, его очень жаль...

Борромеусъ.

Онъ, должно-быть, самъ заболѣлъ, что не пріѣхалъ.

Хаусдорферъ.

Нѣтъ, я жду его со дня на день. Его теперь нѣтъ въ городѣ... Онъ въ отъѣздѣ, но долженъ пе сегодня — завтра вернуться... Ему надо отдохнуть немного,... чтобъ снова приняться за работу.

Борромеусъ.

Конечно, разъ у человѣка есть дѣло...

Хаусдорферъ.

Да еще какое!... Онъ поэтъ... (*Встаетъ.*) Поэты! Вы понимаете, что это значить?

Борromeусъ.

Какъ сказать?...

Хаусдорферъ.

Ничего вы не понимаете... ничего. Мы, обыкновенные люди, которые только и умѣемъ, что перекапывать свои сады, ничего въ этомъ не смыслимъ...

Борromeусъ.

Но вѣдь и вы, сударь...

Хаусдорферъ.

Вы хотите сказать, что и я въ свое время дѣлалъ кое-что другое... Это правда... только моя тогдашняя работа была немногимъ лучше теперешней: весь день, отъ восьми до двухъ, а иной разъ до трехъ и даже до четырехъ, копѣлъ я въ канцеляріи, въ центрѣ города...

Борromeусъ.

Да, мука, должно-быть, высидѣть на одномъ мѣстѣ цѣлыхъ шесть часовъ... Мнѣ, бывало, даже жалко васъ становилось, сударь, когда вы такъ поздно возвращались къ намъ на дачу. А зимой...

Хаусдорферъ.

Что дѣлать, Борromeусъ? Теперь на моемъ мѣстѣ сидитъ другой, и когда придетъ его время, получить пенсію; а на его мѣсто сядетъ третій!... И кто бы ни сидѣлъ на моемъ мѣстѣ, все равно — быстро освоится съ работой... Ну, а поэтъ — это совсѣмъ не такой человѣкъ, какъ мы съ вами, Борromeусъ. Когда такой человѣкъ уйдетъ на покой, то можетъ случиться, что мѣсто долго останется незаплатымъ. Такой человѣкъ обязанъ о себѣ позаботиться — это его долгъ передъ обществомъ... Понимаете, Борромсусъ?

Борromeусъ.

Ну, само собой разумѣется...

Хаусдорферъ.

И ничего-то, ничего вы не понимаете... Развѣ вы никогда не замѣчали ничего особеннаго въ Гейнрихѣ... не замѣчали сіянія вокругъ его головы!... Вотъ видите...

Борромеусъ *(сначала смѣется, затѣмъ снова становится серьезнымъ)*.

Гейнрихъ *(сходитъ съ веранды и беретъ руку Борромеуса)*.

Благодарю васъ, Борромеусъ... я знаю... и очень благодаренъ вамъ.

Борромеусъ *(уходитъ)*.

Гейнрихъ *(идетъ на аван-сцену)*.

Хаусдорферъ *(только въ эту минуту встаетъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу Гейнриху. Рукопожатіе)*.

Наконецъ, ты вернулся?

Гейнрихъ.

И раньше, чѣмъ предполагалъ.

Хаусдорферъ *(дѣлая утвердительный знакъ головой)*.

Ты такъ и уѣхалъ въ тотъ вечеръ?

Гейнрихъ.

Да. Съ кладбища только заѣхалъ уложиться, и на желѣзную дорогу. Я бы не вынесъ этой ночи дома.

Хаусдорферъ.

Я это понимаю... Гдѣ же ты былъ?

Гейнрихъ.

Сначала поѣхалъ въ Зальцбургъ...

Хаусдорферъ.

Вотъ какъ?

Гейнрихъ.

Это городъ, гдѣ я всегда себя хорошо чувствовалъ...
Право, городъ, проливающий утѣшеніе въ душу.

Хаусдорферъ.

Да?... Развѣ есть такіе города?... Вѣдь это было бы
великолѣпно.

Гейнрихъ.

Да, при извѣстныхъ обстоятельствахъ есть такіе
мѣста, и я не наудачу поѣхалъ въ Зальцбургъ.
Однажды, лѣтъ семь-восемь тому назадъ, мнѣ при-
шлось пережить нѣчто очень тяжелое или, по крайней
мѣрѣ, грустное... знаете, г. Хаусдорферъ, попасть въ
такую передрагу, что я думалъ — для меня все кон-
чено... Вотъ я уѣхалъ, именно, въ Зальцбургъ. И уже
въ первый вечеръ, во время одинокой прогулки въ
Гелльбруннѣ, по его прелестному саду въ стилѣ рококо,
я почувствовалъ облегченіе своего горла, а на другое
утро проснулся, какъ бы выздоровѣвъ отъ болѣзни,
и могъ даже приняться за работу.

Хаусдорферъ.

Ну!

Гейнрихъ.

Конечно, мнѣ въ то время не было еще и двад-
цати, а на дворѣ стояла весна; это тоже надо при-
нять во вниманіе...

Хаусдорферъ.

Да, конечно...

Гейнрихъ.

А на этотъ разъ и слѣда не было облегченія...
Напротивъ.